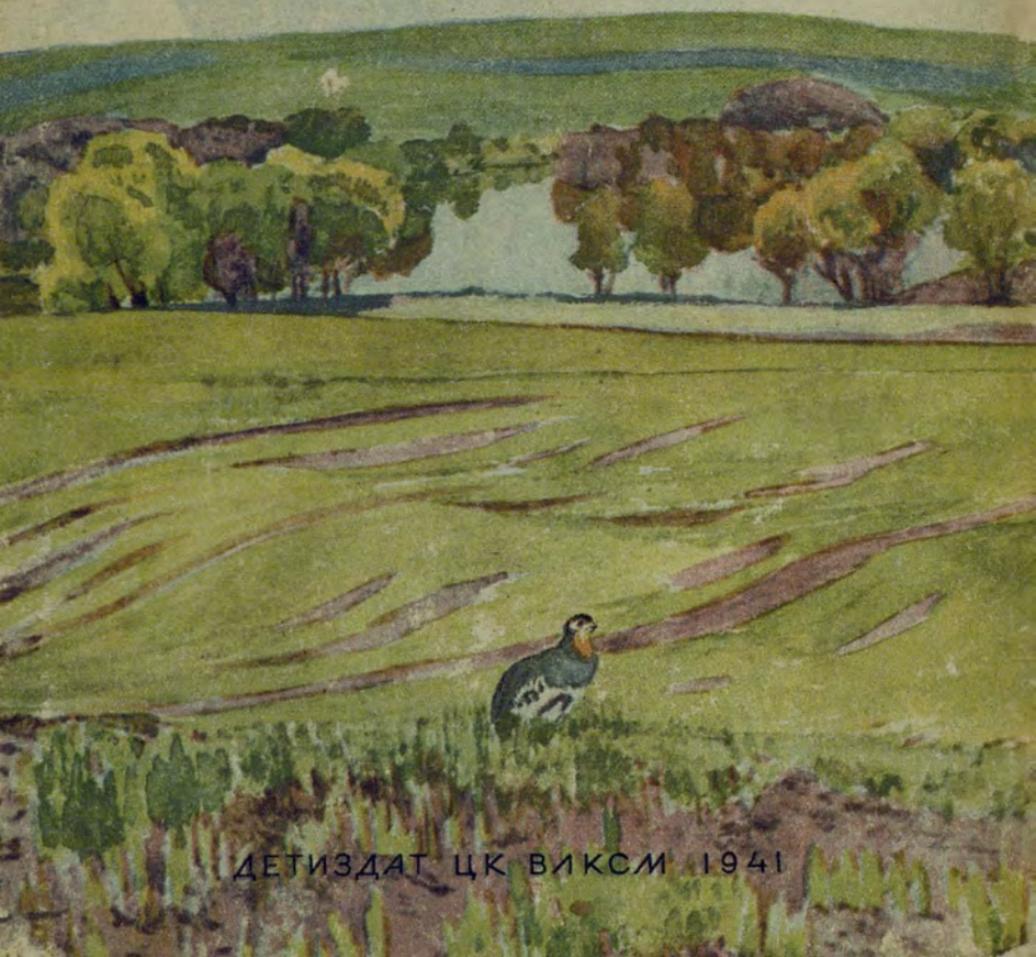

В. Б И А Н К И

ОРАНЖЕВОЕ ГОРЛЫШКО

ДЕТИЗДАТ ЦК ВКСМ 1941

В. Б И А Н К И
О Р А Н Ж Е В О Е
Г О Р Л Ы Ш К О

Рисунки А. РЫЛОВА

*Центральный Комитет
Всесоюзного Ленинского Коммунистического Союза Молодежи
ИЗДАТЕЛЬСТВО ДЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
Москва 1941 Ленинград*

~~30245~~ 1957-60 г.

~~НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА
ДОМА ДЕТСКОГО ЧТЕНИЯ
ДЕТИЗА~~

680494 КХ-рег

Российская государственная
детская библиотека

*Что увидел Жаворонок, когда вернулся
на родину*

Уж волк умылся, а кочеток спел. Начинало светать.

В поле между комьями холодной земли проснулся Жаворонок. Он вскочил на ножки, встряхнулся, огляделся — и полетел вверх.

Полетел и запел. И чем выше он поднимался в небо, тем радостней и звонче лилась и переливалась его песня.

Все, что он видел под собой, казалось ему необыкновенно замечательным, красивым и милым. Еще бы: ведь это была его родина и он долго, очень долго ее не видел!

Он родился здесь летом прошлого года. А осенью с другими перелетными улетел в дале-

кие страны. Там он провел в тепле всю зиму — целых пять месяцев. А это долгий срок, когда вам всего десять месяцев от роду. И вот уж три дня, как он вернулся наконец домой. Первые дни он отдыхал с дороги, а сегодня принялся за свою работу. А работа его была — петь.

Жаворонок пел:

„Снежные поля подо мной. На них — черные и зеленые пятна.

Черные пятна — пашни. Зеленые пятна — всходы ржи и пшеницы.

Я помню: эту рожь и пшеницу люди посеяли осенью. Скоро выросли из земли молодые веселые зеленя. Потом на них стал падать снег, и я улетел в чужие края.

Зеленя не замерзли под холодным снегом. Вот они показались опять, весело и дружно тянутся вверх.

На холмах среди полей — деревни. Это наш колхоз „Красная искра“. Колхозники еще не проснулись, улицы еще пусты.

Пусты и поля: спят еще полевые звери и птицы.

За далеким черным лесом я вижу золотой краешек солнца.

Просыпайтесь, просыпайтесь, вставайте все!

Начинается утро! Начинается весна!“

Жаворонок замолчал: он увидел на белом поле какое-то серое пятно. Пятно шевелилось.

Жаворонок полетел вниз — посмотреть, что там такое.

Над самым пятном он остановился в воздухе, трепеща крылышками.

— Э, да ведь это Большое Стадо! Я вижу, мои добрые соседи устроили общее собрание.

И в самом деле: это было Большое Стадо серых куропаток — красивых полевых петушков и курочек. Они сидели плотной кучкой. Их было очень много: сто птиц или, может быть, тысяча. Жаворонок считать не умел.

Они тут в снегу и ночевали: некоторые еще стряхивали с крыльев крупичатый от ночного мороза снежок.

А одна курочка — видно, старшая у них — сидела посредине на кочке и громко говорила речь.

„О чем она там толкует?“ подумал Жаворонок и спустился еще пониже.

Старшая курочка говорила:

— Сегодня разбудил нас своей песней наш маленький друг Жаворонок. Значит, правда, началась весна. Минуло самое трудное и голодное время. Скоро надо будет подумать о гнездах. Настала пора всем нам расстаться.

— Пора, пора! — закудахтали все курочки сразу. — Кто куда, кто куда, кто куда?

— Мы к лесу! Мы за речку! Мы на Красный ручей! Мы на Костяничную горку! Туда, туда, туда, туда!

Когда кудахтанье смолкло, старшая курочка заговорила опять:

— Счастливого лета и хороших птенцов всем

A P

вам! Выводите их побольше и воспитайте лучше. Помните: той курочке, которая осенью приведет больше всего молодых куропаток, будет великая честь: эта курочка будет всю зиму водить Большое Стадо. И все должны будут ее слушаться. До свиданья, до свиданья, до осени!

Старшая курочка вдруг высоко подпрыгнула в воздух, с треском замахала крылышками и помчалась прочь. И в тот же миг все другие куропатки, сколько их тут было — сто или тысяча, — разделились на парочки и с треском, шумом, чириканьем брызнули во все стороны и пропали из глаз.

Жаворонок огорчился: такие хорошие, ласковые соседи улетели! Когда он вернулся, как они

радовались ему! Как весело было в их дружной компании!

Но он сейчас же спохватился: ведь ему надо скорей разбудить всех других полевых птиц, и зверей, и всех людей! Он быстро-быстро заработал крылышками и запел еще звонче прежнего: „Солнце встает! Просыпайтесь, все просыпайтесь, весело беритесь за работу!“

И, поднимаясь к облакам, он видел, как разбегаются от деревень воришки-зайцы, забравшиеся на ночь в сады поглотать кору с яблонь. Видел, как шумной ватагой, каркая, слетаются на пашню стаи черных грачей — выковыривать носами червей из оттаявшей земли; как выходят из домов люди.

Люди запрокидывали голову и, шурясь от яркого солнца, старались разглядеть в небе маленького певца. Но он исчез в облаке. Осталась над полями только его песня, такая звонкая и радостная, что у людей становилось светло на душе и они весело брались за работу.

О чем разговаривал Жаворонок с полевым петушком

Целый день трудился Жаворонок: летал в поднебесье и пел. Пел, чтобы все знали, что всё хорошо и спокойно и поблизости не летает злой ястреб. Пел, чтобы радовались полевые птицы и звери. Пел, чтобы веселей работалось людям.

Пел, пел — и устал. Был уже вечер. Солнце зашло. Попрытались куда-то все звери и птицы.

Жаворонок опустился на пашню. Ему захотелось поболтать с кем-нибудь перед сном о том, о сем. Подруги у него не было.

Он решил: „Полечу-ка к соседям — куропаткам“. Но тут же вспомнил, что утром они улетели.

Ему опять стало грустно. Он тяжело вздохнул и стал укладываться спать в ямке между комочками подсохшей за день земли.

Вдруг до него донесся чей-то знакомый голос. Голос напоминал скрип несмазанной калитки или чирикание сверчка, только был сильнее, громче. Кто-то звонко и радостно выговаривал все одно слово:

— Черр-вяк! Черр-вяк!

„Ой, да ведь это Подковкин! — обрадовался Жаворонок. — Значит, не все куропатки улетели“.

— Черр-вяк! Черр-вяк! — несло из ржаных зеленёй.

„Чудилка! — подумал Жаворонок. — Нашел одного червяка и кричит на весь свет“.

Он знал, что куропатки наедаются хлебными зернами да семенами разных трав. Червяк для них — вроде сладкого к обеду. Сам Жаворонок умел находить в траве сколько угодно маленьких червячков и каждый день наедался ими до сыта. Ему и было смешно, что сосед так радуется какому-то червяку.

„Ну, теперь мне будет с кем поболтать“, подумал Жаворонок и полетел разыскивать соседа.

Найти его оказалось очень просто: петушок сидел открыто на кочке, среди низенькой травки зеленей, и то и дело подавал голос.

— Здорово, Подковкин!— крикнул, подлетая к нему, Жаворонок.— Ты на все лето остался?

Петушок приветливо кивнул головой:

— Да, да. Так решила Оранжевое Горлышко, моя жена. Знаком с ней? Очень умная курочка. Вот увидишь: этой зимой она непременно будет водить Большое Стадо.

Сказав это, петушок выкатил колесом голубую грудь с рисунком подковы вкусного, шоколадного цвета. Потом вытянул шейку и три раза громко прокричал:

— Черр-вяк! Черр-вяк! Черр-вяк!

— Где же червяк-то?— удивился Жаворонок.— Ты съел его?

Подковкин обиделся:

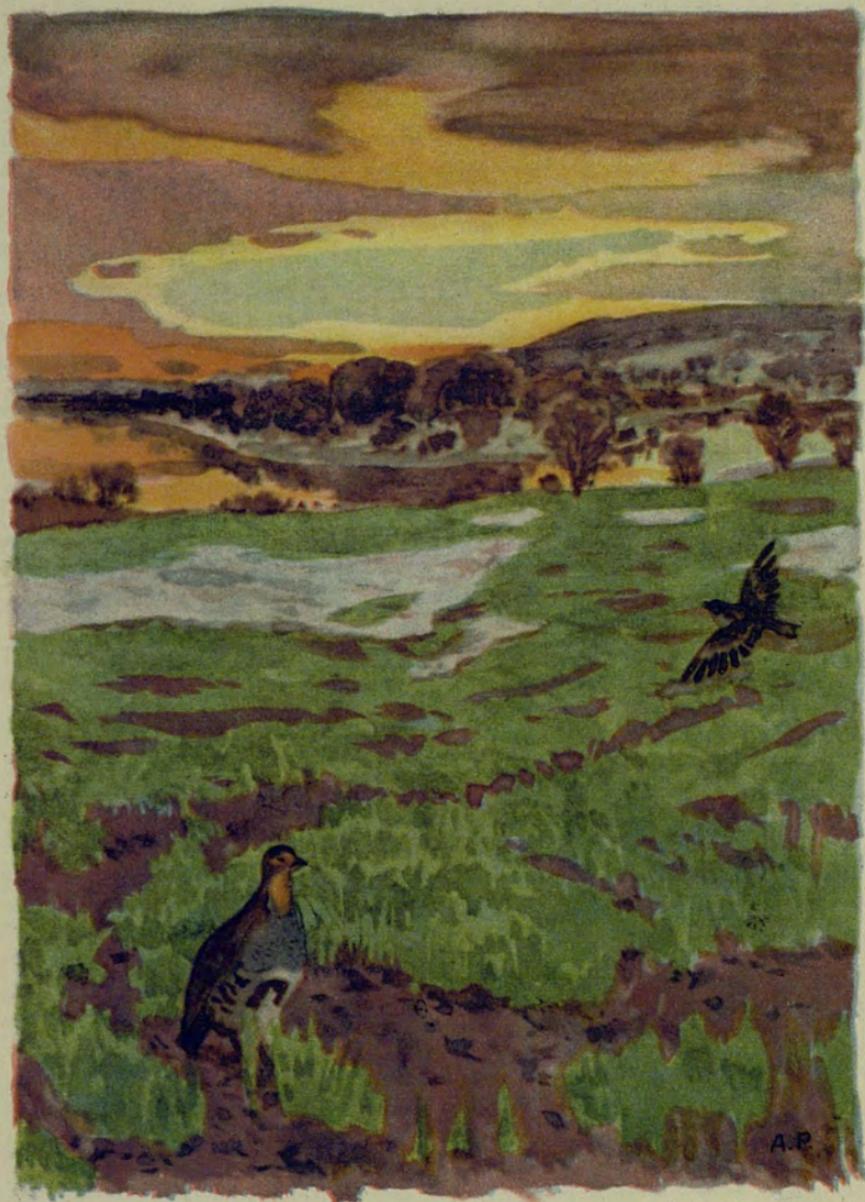
— За кого ты меня принимаешь? Хороший я был бы петушок, если б сам ел червяков! Я, конечно, отнес его Оранжевому Горлышку.

— И она его съела?

— Съела и сказала, что очень вкусно.

— Так и дело с концом! Чего же ты кричишь: „Червяк! Червяк!“?

— Ничего ты не понимаешь!— совсем рассердился Подковкин.— Во-первых, я вовсе не

A.P.

кричу, а красиво пою. Во-вторых, про что же и петь, как не про вкусных червяков?

Маленький серенький Жаворонок много мог бы рассказать, про что и как надо петь. Ведь он был из знаменитого рода певцов, прославленных всеми поэтами. Но гордости в нем не было. И он совсем не хотел обидеть Подковкина, своего доброго соседа.

Жаворонок поспешил сказать ему что-нибудь приятное.

— Я знаю Оранжевое Горлышко. Она такая красивая, нежная. Как ее здоровье?

Подковкин сейчас же забыл обиду. Он выпятил грудь, три раза звонко брякнул: „Червяк!“ и только тогда важно ответил:

— Благодарю вас! Оранжевое Горлышко чувствует себя прекрасно. Прилетайте навещать нас.

— Когда можно прилететь? — спросил Жаворонок.

— Сейчас-то, видишь ли, я очень занят, — сказал Подковкин. — Днем еду разыскиваю для Оранжевого Горлышка, караул держу, чтобы на нее не напали лиса или ястреб. Вечерами вот песни ей пою. А тут еще драться надо с...

Подковкин не закончил, вытянулся на ножках и стал вглядываться в зеленя.

— Пстой-ка! Никак, он опять?..

Петушок сорвался с места и стрелой полетел туда, где в зеленях что-то шевелилось.

Сейчас же оттуда раздался шум битвы:

стук клюва о клюв, хлопанье крыльев, шелест ржи. Пух полетел к небу.

Через несколько минут над зелеными мелькнула пестренькая спинка чужого петушка, и Подковкин вернулся, весь взъерошенный, с блестящими глазами. Из его левого крыла торчало переломленное перо.

— Ух!.. Здорово я его тукнул!— сказал он, опускаясь на кочку.— Будет знать теперь...

— Да с кем это ты?— робко спросил Жаворонок. Сам он никогда ни с кем не дрался и драться-то не умел.

— А с соседом, с Бровкиным. Тут рядом, на Костяничной горке живет. Глухой петушишка. Я ему покажу!..

Жаворонок знал и Бровкина. У всех куроцаток брови красные—и не только над глазами, а даже и под глазами. У Бровкина они были особенно большие и красные.

— Зачем же вы деретесь?— спросил Жаворонок.— В Большом Стаде вы ведь друзья были с Бровкиным.

— В Большом Стаде— другое дело. А теперь то он к нам в поле забежит, то я ненароком на Костяничную горку попаду. Тут уж нам никак нельзя не подраться. Ведь мы— петухи.

Жаворонок так и не понял: зачем это драться, когда друзья? Он опять спросил:

— Когда же приходиться-то?

— Вот разве, когда Оранжевое Горлышко ся-

дет детей высиживать. Тогда, может, вздохну по-свободнее.

— А скоро думаете гнездо завивать?

— Оранжевое Горлышко говорит: „Когда на снежных полях покажутся проталины и в небе запоет жаворонок, Большое Стадо разобьется на пары и разлетится во все стороны. Когда люди кончат сев и озимая рожь отрастет по колено человеку, настанет пора вить гнездо“. Вот посмотришь, какое уютное гнездышко устроит себе Оранжевое Горлышко, — загляденье! Запомнишь? Когда люди кончат сеять, а рожь отрастет по колено человеку.

— Я уже запомнил, — сказал Жаворонок. — Непременно прилечу. Ну, спокойной ночи!

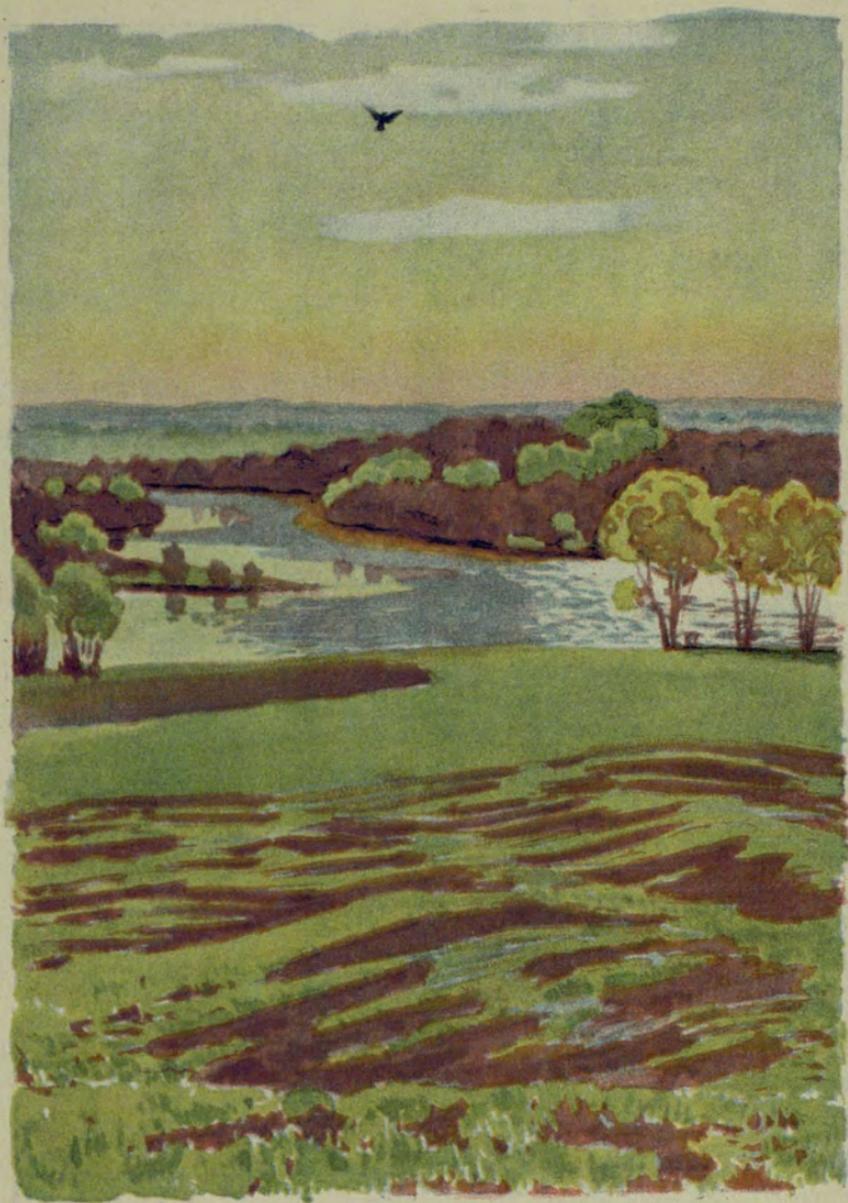
И он полетел к себе спать.

Что делали люди, когда с полей сошел снег, и какое гнездо завил Оранжевое Горлышко

И вот Жаворонок принялся ждать, когда люди начнут и кончат сеять, а рожь отрастет по колено человеку.

Каждое утро он поднимался под облака и пел там обо всем, что видел под собой.

Он видел, как день ото дня тает в полях снег, как с каждым утром веселей и жарче греет солнце. Видел, как прилетели ледоломки-трясогузки — тоненькие птички с трясучими хвостами — и как на следующее утро река

сломила лед. И как только снег сошел, люди выехали на тракторе в поле.

„Теперь они начнут сеять!“ подумал Жаворонок.

Но он ошибся: еще не сеять выехали люди, а только приготовить к посеву вспаханную с осени землю.

Стальными гребешками скороспашек они разбивали слежавшиеся комья, разрыхляли землю.

Так прошло несколько дней. Потом колхозники запрягли лошадей в узкие длинные коробки с двумя большими колесами по бокам и поехали в поля.

Колхозники сеяли несколько дней.

Первым посеяли лен. Лен сеяли, чтобы потом делать из его семян льняное масло, а из стеблей — веревки, холст и полотно.

А Жаворонок думал — лен сеют, чтобы птицам удобно было в нем прятаться.

После льна колхозники посеяли овес. Овес сеяли, чтобы кормить им лошадей и делать из его семян овсянку для ребят.

После овса посеяли пшеницу. Пшеницу сеяли, чтобы потом делать из нее белую муку, а из белой муки печь вкусные белые булки.

После пшеницы посеяли ячмень. Ячмень сеяли, чтобы делать из него ячменные лепешки, суп с перловой крупой и ячневую кашу.

После ячменя посеяли гречиху. Гречиху сеяли, чтобы потом делать из нее гречневую кашу.

30245
А Жаворонок думал, что люди сеют овес, и пшеницу, и ячмень, и гречиху, чтобы куропаткам были зернышки для еды.

Посеяли колхозники гречиху, уехали с поля.
„Ну, — подумал Жаворонок, — вот и конец севу! Больше не выйдут люди в поле“.

И опять он ошибся: на следующее утро опять вышли колхозники в поле и на длинных ровных грядках принялись садить картошку.

А для чего они садили картошку, все знают; один Жаворонок никак не мог догадаться.

К тому времени прилетели ласточки-касатки, и стало тепло, и озимая рожь отросла по колено человеку. Увидал это Жаворонок, обрадовался и полетел искать своего друга — петушка Подковкина.

Теперь найти его было не так просто, как месяц назад: рожь кругом вон как выросла; кочки-то и не стало видно, насилу-насилу нашел Жаворонок Подковкина.

— Готово гнездо? — сразу спросил он.

— Готово, готово, — весело отвечал Подковкин, — и даже яйца все положены. Знаешь, сколько?

— Да я ведь считать не умею, — сказал Жаворонок.

— Признаться, и я дальше двух не умею, — вздохнул Подковкин. — Да тут охотник проходил. Заглянул в гнездо, сосчитал яйца и говорит: „Ого, — говорит, — двадцать четыре, целых две дюжины! Больше, — говорит, — и не бывает яиц у серых куропаток“.

— Ой-ой-ой, плохо дело! — испугался Жаворонок. — Охотник все яйца возьмет и яичницу из них себе сделает.

— Что ты, что ты — яичницу! — замахал на него крылышками Подковкин. — Оранжевое Горлышко говорит: „Хорошо, что это охотник. Лишь бы не мальчишки“. Она говорит: „Охотник еще охранять наше гнездо будет: ему надо, чтобы наши птенцы выросли да жирные стали. Вот тогда его берегись! Тогда он придет с собакой да бах! бах!..“ Ну, идем, я тебя к Оранжевому Горлышку поведу.

Подковкин соскочил с кочки и так быстро пробежал во ржи, что Жаворонку пришлось его догонять на крыльях.

Гнездо куропаток помещалось среди ржи, в углублении между двумя кочками. На гнезде, распушив перья, сидела Оранжевое Горлышко.

Увидев гостя, она сошла с гнезда, пригласила перья и приветливо сказала:

— Пожалуйста, пожалуйста! Полюбуйтесь на наше гнездышко. Правда, уютное?

Особенного ничего не было в ее гнезде: вроде лукошка с яйцами. По краям выстлано куропаткиным пухом и перышками. Жаворонок видал и похитрей гнезда.

Все-таки из вежливости он сказал:

— Очень милое гнездышко.

— А яйца? — спросила Оранжевое Горлышко. — Правда, чудесные яички?

Яйца в самом деле были хороши: как куриные, только маленькие, красивого ровного желто-зеленого цвета. Их было много — полное лукошко. И лежали они все острыми концами внутрь, а то, пожалуй, и не поместились бы в гнезде.

— Прелесть какие яйца! — от души сказал Жаворонок. — Такие чистые, гладкие, аккуратные!

— А кругом гнезда как вам нравится? — спросила Оранжевое Горлышко. — Красиво?

Жаворонок огляделся. Над гнездом зеленым шатром нависали гибкие стебли молодой ржи.

— Красиво, — согласился Жаворонок. — Только вот... — и запнулся.

— Что ты хочешь сказать? — встревожился Подковкин. — Или наше гнездо плохо спрятано?

— Сейчас-то оно хорошо спрятано, даже ястребу не заметить. Да ведь скоро люди сожнут рожь. И ваше гнездо останется на открытом месте.

— Сожнут рожь? — Подковкин даже крылышками всплеснул. — Ты это наверное знаешь?

— Я слышал, колхозники говорили, что будут жать рожь.

— Вот ужас! — ахнул Подковкин. — Что же нам делать?

Но Оранжевое Горлышко только весело подмигнула мужу:

— Не тревожься, не волнуйся. Тут самое сохранное место. Никто сюда не придет, пока наши птенчики не выйдут из яиц. Заруби у себя на носу: птенцы куропаток выходят из яиц, когда рожь цветет.

— А люди когда придут жать ее?

— А люди будут ждать, пока рожь вырастет, выколосится, зацветет, отцветет, нальется и вызреет.

— Что я тебе говорил!— закричал обрадованный Подковкин.— Видишь, какая умная у меня жена! Она все наперед знает.

— Это не я умная,— скромно сказала Оранжевое Горлышко.— Это наш куропачий календарь. Каждая наша курочка знает его наизусть.

Потом она повернулась к Жаворонку, похвалила его песни и пригласила его притти посмотреть, как будут выходить из яиц ее птенчики.

Тут перепел громко закричал из ржи:

— Спать пора! Спать пора!

Жаворонок простился с друзьями и полетел домой.

Перед сном он все старался вспомнить: „Как это она сказала? Сперва рожь вырастет, потом выколо... нет— вылоко... выклоло...“

Но никак не мог выговорить это мудреное слово, махнул лапкой и заснул.

*Как пришла лисица и какие у Подковкиных
родились дети*

Жаворонку не терпелось взглянуть, как будут выходить из яиц маленькие Подковкины. Каждое утро теперь, прежде чем подняться в облака, он внимательно осматривал рожь.

Рожь поднималась быстро и скоро стала ростом с самого высокого человека.

Тогда концы ее стеблей стали толстеть и набухать. Потом из них выросли усики.

— Вот это и есть колоски, — сказал себе Жаворонок. — Вот это и называется выклоло... нет — выколо... нет — вы-ко-ло-си-лась.

В это утро он пел особенно хорошо: он был рад, что рожь скоро зацветет и у Подковкиных выйдут птенчики.

Он смотрел вниз и видел, что на всех полях поднялись уже посевы: и ячмень, и овес, и лен, и пшеница, и гречиха, и листья картофеля на ровных грядках.

В кустах около того поля, где в высокой ржи было гнездо Подковкиных, он заметил ярко-рыжую полоску. Спустился пониже и разглядел: это была лисица. Она вышла из кустов и крадась по скошенному лугу к полю куропаток.

Крепко затукало Жаворонково сердчишко. Он боялся не за себя: лиса ничего не могла ему сделать в воздухе. Но страшный зверь мог найти гнездо его друзей, поймать Оранжевое Горлышко, разорить ее гнездо.

Еще ниже спустился Жаворонок и что было силы закричал:

— Подковкин, Подковкин! Лиса идет, спасайтесь!

Лиса подняла голову и страшно щелкнула зубами. Жаворонок испугался, но продолжал кричать что есть мочи:

— Оранжевое Горлышко! Улетайте, улетайте!

Лиса направилась прямо к гнезду.

Вдруг из ржи выскочил Подковкин. У него был ужасный вид: перья все взъерошены, одно крыло волочится по земле.

„Беда! — подумал Жаворонок. — Верно, его подшибли камнем мальчишки. Теперь и он пропадет“.

И закричал:

— Подковкин, беги, прячься!

Но было уже поздно: лиса заметила бедного петушка и помчалась к нему.

Подковкин, хромая и подпрыгивая, побежал от нее в сторону. Но где ж ему было убежать от быстрого зверя!

В три прыжка лиса была около него, и — клямс! — зубы ее лягнули у самого хвоста петушка.

Подковкин собрал все свои силы и успел взлететь перед носом зверя. Но летел он совсем плохо, отчаянно чирикал и скоро упал на землю, вскочил, заковылял дальше. Лиса кинулась за ним.

Жаворонок видел, как бедный Подковкин, то

бегом, то взлетая на воздух, с трудом добрался до Костяничной горки и скрылся в кустах. Лиса неотступно гналась за ним.

„Ну, теперь бедняге конец! — подумал Жаворонок. — Лиса загнала его в кусты и там живо поймает“.

Жаворонок ничем больше не мог помочь другу. Он не хотел слышать, как хрустнут на лисьих зубах косточки петушка, и поскорей улетел.

Прошло несколько дней — и рожь была уже в цвету. Жаворонок не летал эти дни над полем, где жили Подковкины. Он грустил о погибшем друге и не хотел даже смотреть на место, где валялись окровавленные перышки петушка.

Раз сидел Жаворонок у себя в поле и закусывал червячками.

Вдруг он услышал треск крыльев и увидел Подковкина, живого и веселого. Подковкин опустился рядом с ним.

— Куда ж ты пропал?! — закричал петушок, не здороваясь. — Ведь рожь цветет уже. Ищу тебя, ищу!.. Летим скорей к нам: Оранжевое Горлышко говорит, что сейчас наши птенчики будут из яиц выклёвываться.

Жаворонок вытаращил на него глаза.

— Ведь тебя же съела лиса, — сказал он. — Я сам видел, как она загнала тебя в кусты.

— Лиса? Меня-то?! — закричал Подковкин. — Да ведь это я отводил ее от нашего гнезда. Нарочно й больным притворился, чтобы ее обмануть.

Так ее запутал в кустах, что она и дорогу забыла в наше поле! А тебе спасибо, что предупредил об опасности. Если б не ты, не видать бы нам наших птенчиков.

— Я что ж... я только крикнул, — смутился Жаворонок. — Ловко же ты! Даже меня обманул.

И друзья полетели к Оранжевому Горлышку.

— Чшш! Тихе, тихе! — встретила их Оранжевое Горлышко. — Не мешайте мне слушать.

Она была очень озабочена, стояла над гнездом и, склонив голову к яйцам, внимательно прислушивалась. Жаворонок и Подковкин стояли рядом, чуть дыша.

Вдруг Оранжевое Горлышко быстро, но осторожно ткнула клювом одно из яиц. Кусочек скорлупы отлетел, и сейчас же из дырочки блеснули два черных булавочных глаза и показалась мокрая взъерошенная головка цыпленочка.

Мать еще раз ткнула клювом — и вот весь цыпленочек выскочил из развалившейся скорлупы.

— Вышел, вышел! — закричал Подковкин и запрыгал от радости.

— Не кричи! — строго сказала Оранжевое Горлышко. — Бери скорей скорлупки и унеси подальше от гнезда.

Подковкин ухватил клювом половинку скорлупки и стремглав помчался с ней в рожь.

Он вернулся за второй половинкой очень скоро, но в гнезде накопилась уже целая

грудка битой скорлупы. Жаворонок видел, как один за другим выходили из яиц цыплята. Пока Оранжевое Горлышко помогала одному, другой уже сам разбивал скорлупу и выкарабкивался из нее.

Скоро все двадцать четыре яйца были разбиты, все двадцать четыре птенчика вышли на свет, смешные, мокрые, взъерошенные!

Оранжевое Горлышко живо повыкидала ногами и клювом всю битую скорлупу из гнезда и велела Подковкину убрать ее. Потом обернулась к цыплятам, нежным голосом сказала им: „Ко-ко-ко! Ко-ко!“, вся распушилась, растопырила крылья и села на гнездо. И все цыплята сразу исчезли под ней, как под шапкой.

Жаворонок принялся помогать Подковкину носить скорлупу. Но клювик у него был маленький, слабый, и он мог таскать только самые легкие скорлупки.

Так они долго трудились вдвоем с Подковкиным. Относили скорлупу подальше в кусты. Оставлять ее вблизи гнезда нельзя было: люди или звери могли заметить скорлупки и по ним найти гнездо.

Наконец работа была кончена, и они могли отдохнуть.

Они сели рядом с гнездом и смотрели, как из-под крыльев Оранжевого Горлышка то тут, то там высовывались любопытные носики, мелькали быстрые глазки.

— Удивительно как... — сказал Жаворонок. —

Только что родились, а уж такие шустрые. И глазки у них открыты, и тельце все в густом пуху.

— У них уж и перышки маленькие есть, — гордо сказала Оранжевое Горлышко. — На крылышках.

— Скажите, пожалуйста! — удивлялся Жаворонок. — А у нас, у певчих птиц, когда птенчики выйдут из гнезда, они слепенькие, голенькие... Только чуть могут головку поднять да ротик открыть.

— О, вы еще не то сейчас увидите! — весело сказала Оранжевое Горлышко. — Дайте мне только еще немножко погреть их своим теплом, чтобы хорошенько обсушить... и мы сейчас же откроем детскую площадку.

Какая у поршков была детская площадка и что они там делали

Они еще поболтали, потом Оранжевое Горлышко и спрашивает:

— Подковкин, где сейчас поблизости можно найти маленьких зеленых гусениц и мягких улиток?

— Тут, тут рядом, — заторопился Подковкин, — в двух шагах, в нашем же поле. Я уж присмотрел.

— Нашим детям, — сказала Оранжевое Горлышко, — в первые дни нужна самая нежная пища. Зернышки есть они научатся позже. Ну,

Подковкин, показывая дорогу, мы пойдем за тобой.

— А птенчики?— встревожился Жаворонок. — Неужели вы оставите крошек одних?

— Крошки пойдут с нами, — спокойно сказала Оранжевое Горлышко. — Вот, смотрите.

Она осторожно сошла с гнезда и позвала ласковым голосом:

— Ко-кко! Ко-ко-кко!

И все двадцать четыре птенчика повскакали на ножки, выпрыгнули из гнезда-лукошка и веселыми катышками покатались за матерью.

Впереди пошел Подковкин, за ним Оранжевое Горлышко с цыпятами, а сзади всех — Жаворонок. Цыплятки пик-пикали, мать говорила „ко-кко“, а сам Подковкин молчал и шел, выпятив голубую грудь с шоколадной подковой и гордо посматривая по сторонам.

Через минуту они пришли в такое место, где рожь была редкая и между ее стеблями поднимались кочки.

— Прекрасное местечко! — одобрила Оранжевое Горлышко. — Тут и устроим детскую площадку.

И она сейчас же принялась с Подковкинским искать для своих птенчиков зеленых гусениц и мягких улиток.

Жаворонку тоже захотелось покормить цыпляток. Он нашел четырех гусеничек и позвал:

— Цып-цып-цып, бегите сюда!

Цыплятки доели то, что им дали родители,

и покатили к Жаворонку. Смотрят, а гусениц нет! Жаворонок смутился и, наверно, покраснел бы, если б на лице у него не было перышек: ведь это он, пока ждал цыплят, незаметно как-то сам отправил себе в рот всех четырех гусениц.

Зато Оранжевое Горлышко с Подковкиным ни одной гусенички не проглотили, а каждую брали в клюв и ловко отправляли в открытый рот одного из цыплят — всем по очереди.

— Теперь займемся ученьем, — сказала Оранжевое Горлышко, когда цыплята наелись. — Ккок!

Все двадцать четыре цыпленка остановились, кто где был, и взглянули на мать.

— Ккок — это значит внимание! — объяснила Жаворонку Оранжевое Горлышко. — Теперь я их позову за собой — и смотрите!.. Ко-кко! Ко-ко-кко!.. — позвала она своим самым нежным голосом и пошла к кочкам.

Все двадцать четыре цыпленка покатались за ней.

Оранжевое Горлышко перескочила кочки и, не останавливаясь, пошла дальше.

Цыплятки добежали до кочек — и стоп! Они не знали, что им делать: ведь кочки перед ними были как высокие крутые горы или как трехэтажные дома.

Цыплятки старались вскарабкаться на кручу, но падали и катились вниз. При этом они так жалостно плакали, что у доброго Жаворонка сжалось сердце.

— Ко-кко! Ко-ко-кко! — опять настойчиво по-

звала Оранжевое Горлышко с другой стороны кочек. — Сюда, сюда, за мной!

И вдруг все двадцать четыре птенчика разом замахали крошечными крылышками, вспорхнули и полетели. Они поднялись невысоко над землей, а все-таки кочки перелетели, упали прямо на ножки и без передышки покатались за Оранжевым Горлышком.

Жаворонок даже клюв раскрыл от удивления. Как же так: только что родились на свет, а уж вон как умеют!

— Ах, какие у вас способные дети! — сказал он Подковкину и Оранжевому Горлышку. — Ведь это просто чудо: они уж и летают!

— Немножко только, — сказала Оранжевое Горлышко. — Далеко не могут. Всего только вспорхнут и сядут. Охотники так и зовут наших детей: поршки.

— У нас, у певчих птиц, — сказал Жаворонок, — птенчики сидят в гнезде, пока у них не отрасли крылышки. Гнездо так хорошо спрятано в траве, что даже соколиный глаз его не заметит. А вы куда своих поршков спрячете, если вдруг прилетит сокол?

— Тогда я сделаю вот как, — сказал Подковкин и громко крикнул: — Чирр-вик!

Все двадцать четыре поршка разом поджали ножки и... как сквозь землю провалились!

Жаворонок крутил головой во все стороны, стараясь разглядеть хоть одного птенчика: ведь он знал, что они притаились тут перед ним,

на земле. Смотрел, смотрел — и никого не увидел.

— Фокус-покус-чирвирокус! — весело подмигнул ему Подковкин, да вдруг как крикнет: — Раз, два, три, чир-вир-ри!

Все двадцать четыре поршка разом вскочили на ножки и опять стали видны.

Жаворонок ахнул: вот это ловко!

А когда настал вечер и Подковкины повели детей укладывать спать, Оранжевое Горлышко сказала Жаворонку:

— Пока люди не кончат сенокос, вы всегда можете найти нас или в гнезде, или на детской площадке. А когда рожь нальется и люди придут жать ее, ищите нас там, где растет лен. Там мы откроем для наших деток школу первой ступени.

Как прилетела в поля ястребица и какая бедастряслась на Костяничной горке

Настала середина лета. Все звери и птицы вывели детей. И в поля каждый день стали наведываться хищники.

Жаворонок попрежнему с утра поднимался под облака и пел там. Но теперь частенько ему приходилось прерывать пение и лететь предупреждать своих знакомых об опасности.

А друзей и знакомых у него были полны поля: Жаворонок со всеми жил в мире, и все его любили. Сам он больше всех любил своих дру-

зей Подковкиных. Старался все больше летать над тем полем, где было гнездо Оранжевого Горлышка.

Летает в вышине, а сам зорко следит, не покажется ли где хищник.

Вот взошло солнце, и с дальних полей, из-за реки, уже приближается голубовато-белый лунь. Лицо у него круглое, как у кошки, нос крючком. Он летит низко-низко над зеленой рожью и смотрит, высматривает: не мелькнет ли где птенец или мышь? Вдруг остановится на лету и, как бабочка, приподняв крылья над спиной, повиснет в воздухе: вглядывается в одно место.

Там сейчас ушмыгнул от него в норку мышонок. Лунь и ждет, когда мышонок высунет нос из норки. Если высунет, лунь разом сложит крылья, камнем упадет вниз — и цоп мышонка в когти!

Но Жаворонок уже мчится с высоты и, крикнув Подковкиным на лету: „Лунь прилетел!“, спешит к норке, кричит мышонку:

— Не высовывай носа! Не высовывай носа из норки!

Подковкин командует своим поршкам:

— Чирр-вик!

И поршки поджимают ножки, делаются невидимками.

Мышонок слышит Жаворонка и, дрожа от страха, забивается поглубже в норку.

И лунь улетает дальше, никого не поймав.

Каждый день прилетали из далекого леса

черный коршун с выемкой на длинном хвосте и бурый канюк-мышелов. Кружили над полями, высматривая добычу. Их когти всегда готовы схватить неосторожного мышонка или поршка. Но с утра до полудня и опять через час после полудня караулит в небе Жаворонок, и все полевые птицы и звери спокойны: у них хороший сторож. А в полдень хищники улетают на реку — на водопой. Тогда и Жаворонок спускается на землю поесть да вздремнуть полчасика после обеда, и в полях наступает „мертвый час“ — час отдыха и сна.

И, может быть, так бы все и обошлось благополучно, все звериные детеныши были бы целы и поршки у куропаток выросли бы спокойно, да, на беду, прилетела в поля серая ястребиха.

Страшны маленьким зверям и птицам и лунь, и коршун, и канюк-мышелов. Еще страшней небольшой серый ястреб-перепелятник — птица-кошка. От его безжалостных желтых глаз всего трудней спрятаться. От него не спасут ни быстрые ноги, ни ловкие крылья.

Но всех страшней его жена — ястребиха. Она больше и сильнее ястреба. Ей и взрослую куропатку поймать — пустяк.

Ястребиха не кружила над полями у всех на виду, как лунь или канюк. Она только пронеслась над рожью и где-то за Костяничной горкой вдруг исчезла.

Жаворонок прокричал сверху:

— Ястребиха! Спасайтесь! — и замолк.

Он сам не знал, куда девалась ястребиха: не успел заметить.

На Костяничной горке растут густые кусты, а над ними поднимаются в небо две высокие осины. Одна — сухая. Другая — как зеленая круглая башня. Коршун и канюк-мышелов бывало летают-летают и присядут на сухую осину: отсюда им хорошо видно, что делается кругом в полях.

Им видно, зато и их видно. И пока хищник сидит на сухой осине, ни одна мышь не высунет носа из норки, ни одна птица не выйдет из кустов или из хлеба.

А вот ястребиха промчалась над головами — и нет ее. Никто не сидит на сухой осине. Никто не кружит над полями. Жаворонок опять спокойно запел в вышине.

И полевое зверье вылезает из норок, из незаметных ухоронок под кустами, в хлебах, между кочками.

Жаворонок видит с высоты: вот зайчишка выкатился из-под куста, встал столбиком, огляделся, повертел во все стороны ушками. Ничего, спокойно. Опустился на короткие передние лапки и принялся щипать траву.

Мыши зашныряли между кочками.

Подковкин с Оранжевым Горлышком привели своих поршков к самой Костяничной горке.

Что это они делают там? Да ведь они учат детей зернышки клевать! Подковкин ткнет несколько раз в землю носом, что-то скажет, и все

двадцать четыре поршка со всех ног бегут к нему, смешно тыкаются короткими носиками в землю.

А вон там, на самой горке, у двух осин, — соседи Подковкиных, семейство Бровкиных: сам Бровкин, и курочка его, Голубой Носик, и детки их, крошки-поршки.

Все это видит Жаворонок, видит и еще кто-то: тот, кто затаился в высокой зеленой осине, как в башне. А кто там прячется, ни Жаворонку, никому из полевых зверей и птиц не видно.

„Сейчас, — думает Жаворонок, — опять Подковкин подерется с Бровкиным. Вот, увидели друг друга, распушились оба, распетушились... Нет, ничего, не дерутся. Прошло, видно, время драк. Только Оранжевое Горлышко повернула назад в рожь: уводит своих детей. И Голубой Носик тоже... Ой!“

Серой молнией блеснула сверху, из зеленой осины, ястребиха. И забила у нее в когтях курочка Голубой Носик — пух полетел над кустами.

— Чирр-вик! — отчаянно крикнул Подковкин.

Значит, и он увидал ястребиху. Все семейство Подковкиных исчезло во ржи. А Бровкин совсем растерялся. Ему бы тоже крикнуть „чирр-вик!“ да спастись с поршками в кусты, а он, с перепугу, чирикнул и полетел, как Подковкин от лисы, притворяясь подшибленным.

Ах, глупый, глупый петушок! Ястребиха — не лиса! Разве могут спасти от нее короткие куропачьи крылышки!

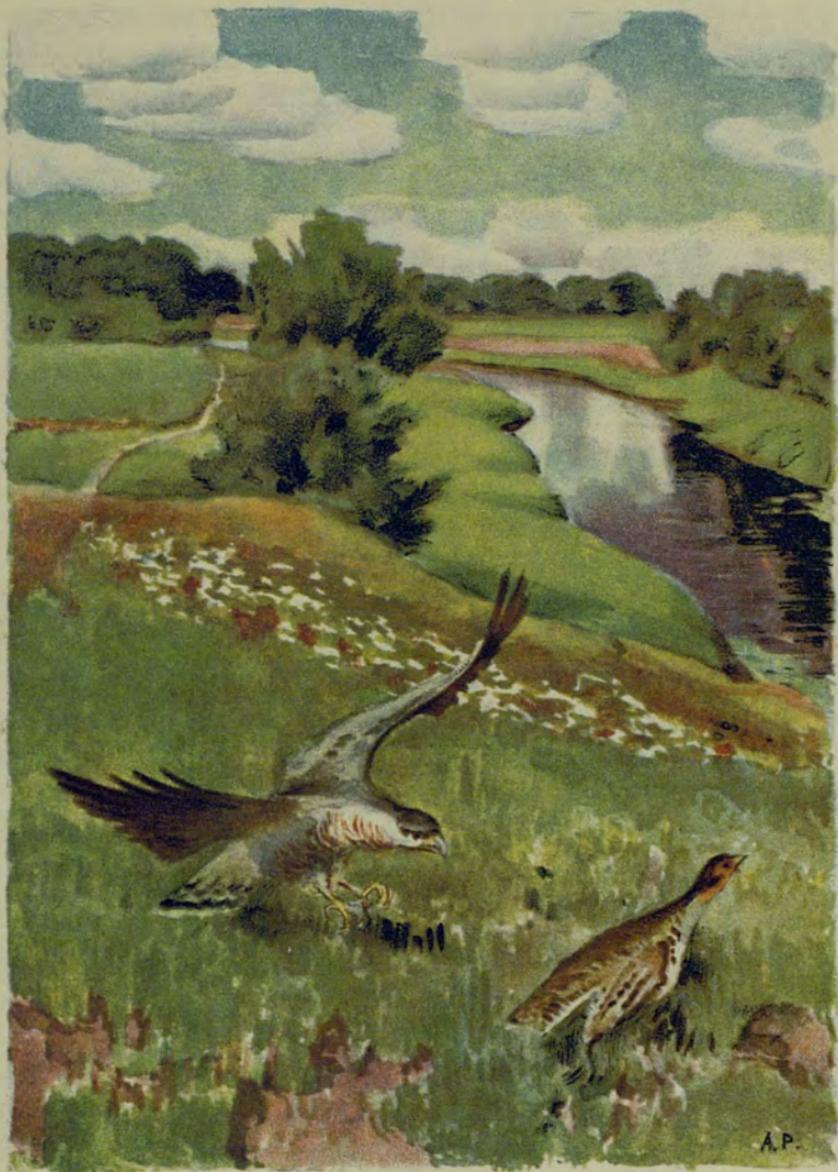
Ястребиха бросила мертвую курочку — и за ним! Ударила Бровкина в спину, вместе с ним упала в кусты.

И остались крошки-поршки Бровкины круглыми сиротами — без отца, без матери.

Чему обучались поршки в школе первой ступени

Ястребиха съела на месте петушка Бровкина, а курочку Голубой Носик унесла в лес — своим прожорливым ястребяткам на обед.

Жаворонок полетел к Подковкиным.

A.P.

— Вы видели? — встретила его вопросом Оранжевое Горлышко. — Ужас, ужас! Бедные крошки Бровкины, горькие сироты... Идемте скорей, разыщем их.

И она побежала так быстро, что поршкам пришлось поминутно вспархивать, чтобы поспеть за ней.

На Костяничной горке она остановилась и громко позвала:

— Ко-кко! Ко-ко-кко!

Ей никто не ответил.

— Ах, бедные, ах, бедные крошки! — сказала Оранжевое Горлышко. — Они так напугались, что не смеют и на ножки вскочить.

Она позвала во второй раз.

И опять никто не отозвался.

Позвала в третий раз — и вдруг кругом, со всех сторон, как из-под земли выросли маленькие Бровкины и с писком покатались к ней.

Оранжевое Горлышко распушила перья и приняла к себе под крылышки всех своих малышей и всех Бровкиных.

Такое множество поршков не могло поместиться под ее крылышками. Они залезали друг на друга, толкались, брыкались, пихались, и то один, то другой из них кубарем вылетал наружу. Оранжевое Горлышко сейчас же нежно загоняла его назад, в тепло.

— Пусть-ка теперь, — вызывающе крикнула она, — пусть кто-нибудь осмелится сказать, что это не мои дети!

Жаворонок подумал про себя: „Вот уж верно! Все крошки как две капли воды похожи друг на друга. Пусть меня изжарят на сковородке, если я разберу, которые тут Бровкины, которые Подковкины. Я думаю, сама Оранжевое Горлышко — и та не разберет“.

А вслух сказал:

— Неужели вы хотите их усыновить? У вас и своих-то...

— Молчи, молчи! — перебил его Подковкин. — Раз Оранжевое Горлышко сказала, значит так тому и быть. Не пропадать же сироткам без призору!

Тут у Жаворонка почему-то вдруг защекотало-защекотало в горлышке, и глаза стали мокрые. Ему стало так стыдно этого, что он незаметно шмыгнул за куст, улетел от друзей и долго не показывался им на глаза.

*
* * *

Раз утром, поднявшись в вышину, Жаворонок вдруг увидел, что колхозники выехали в поля на желтой машине. У машины с правого бока были четыре деревянных крыла с зубьями, как у грабель, и внизу площадка вроде половины тарелки. С левого бока сидел человек и управлял машиной.

Он направил машину в ржаное поле, в то самое поле, где жили Подковкины. Машина замахала крыльями, и Жаворонок подумал: „Вот сейчас она поднимется и полетит“.

Но машина не поднялась и не полетела, а с правого бока от нее стала падать на тарелку высокая рожь, сползала с тарелки и ровными рядами ложилась на землю. За машиной шли колхозницы и вязали в снопы упавшую рожь.

И тогда Жаворонок догадался: „Ага, эта машина — жнейка! Колхозники начали жать рожь. Теперь, значит, поршки учатся в школе первой ступени. Надо посмотреть, чему их там обучают“.

Как и говорила Оранжевое Горлышко, Подковкиных он нашел теперь во льне. Они как раз собирались давать детям урок. Жаворонок удивился, как подросли за эти дни поршки. Их нежный пух сменился перышками.

Сам Подковкин поднялся на кочку, а сорок четыре поршка под присмотром Оранжевого Горлышка разместились внизу полукрутом.

— Ккок! — сказал Подковкин. — Внимание!

И он стал говорить поршкам о пользе образования для куропаток.

— С образованием, — говорил он, — молодая куропатка нигде не пропадет.

Говорил Подковкин долго, и Жаворонок видел, как поршки один за другим закрывали глазки и засыпали.

— Как уберечь себя от врагов, — говорил Подковкин: — от охотников, мальчишек, от хищных зверей и птиц, — вот в чем вопрос! В школе первой ступени вы будете изучать, как вести себя на земле, а в школе второй ступени — как держать себя в воздухе. Мы, куропатки,

наземные птицы и взлетаем с земли только тогда, когда враг наступит нам на хвост.

Тут Подковкин перешел к примерам:

— Скажем, к нам приближается человек... мальчик, скажем. Что мы делаем прежде всего?

Никто не ответил на его вопрос: все сорок четыре поршка крепко спали.

Подковкин не заметил этого и продолжал:

— Прежде всего я или Оранжевое Горлышко тихонько командуем: „Ккок! Внимание!“ Вы уже знаете, что при этом слове вы все поворачиваетесь к нам и смотрите, что мы делаем.

„Этого он мог и не говорить“, подумал Жаворонок, потому что, как только Подковкин сказал „ккок!“, все сорок четыре крепко спавших поршка разом проснулись и повернули к нему носы.

— Я говорю „ккок!“ — продолжал Подковкин, — и притаиваюсь, то есть поджимаю ножки и крепко прижимаюсь к земле. Вот так.

Он поджал ножки, и все сорок четыре поршка сделали то же.

— Так... Мы лежим притаившись и все время зорко смотрим, что делает мальчик. Мальчик идет прямо на нас. Тогда я командую чуть слышно: „Терк!“ — мы все вскакиваем на ножки...

Тут Подковкин, а за ним все сорок четыре поршка вскочили.

— ...вытягиваемся вот так...

Подковкин вытянул шейку вперед и вверх, все тело его тоже вытянулось, и он стал по-

хож на длинную бутылочку на тонких ножках. А поршки, как ни вытягивались, остались похожи на пузырьки на коротких ножках.

— ...и удираем, прикрываясь травой, — закончил Подковкин.

Бутылочка вдруг быстро побежала с кочки в лен и пропала в нем. Сорок четыре пузырька покатались за ней — и весь лен кругом зашевелился.

Подковкин сейчас же выпорхнул из льна и опять сел на свою кочку. Вернулись и поршки.

— Никуда не годится! — сказал Подковкин. — Разве так удирают? Весь лен закачался там, где вы бежали. Мальчишка сейчас же схватит палку или камень и швырнет в нас. Надо научиться бегать в траве так, чтобы ни одного колоска не задеть. Вот смотрите...

Он опять превратился в бутылочку на ножках и покатил в лен. Густой зеленый лен сомкнулся за ним, как вода над ныряльщиком, и больше нигде ни один стебелек не шелхнулся.

— Замечательно! — вслух сказал Жаворонок. — Долго же придется вам, дети, учиться, чтобы так ловко бегать!

Подковкин вернулся совсем не с той стороны, куда направился, и сказал:

— Запомните еще вот что: удирать надо не прямо, а непременно углами, зигзагами — вправо, влево; влево, вправо и вперед. Повторим.

Жаворонок проголодался и не стал смотреть дальше, как поршки будут учиться бегать.

— Я на минутку, — сказал он Оранжевому Горлышку и полетел разыскивать гусениц.

В несжатой ржи он нашел их много, да таких вкусных, что забыл про все на свете.

Вздвинулся он к Подковкиным только вечером. Перепела во ржи кричали уже: „Спать пора! Спать пора!“, и Оранжевое Горлышко укладывала детей.

— Вы уж большие, — говорила она поршкам, — и теперь не будете спать у меня под крылышком. С сегодняшнего дня учитесь ночевать так, как спят взрослые куропатки.

Оранжевое Горлышко легла на землю, а поршкам велела собраться в кружок вокруг нее.

Поршки улеглись, все сорок четыре носика внутрь, к Оранжевому Горлышку, хвостиками наружу.

— Не так, не так! — сказал Подковкин. — Разве можно засыпать хвостом к врагу? К врагу надо всегда быть носом. Враги — кругом нас. Ложитесь все наоборот: хвостами внутрь круга, носами наружу. Вот так. Теперь с какой стороны к нам ни подойдет враг, кто-нибудь из вас его непременно заметит.

Жаворонок пожелал всем покойной ночи и поднялся. Сверху он еще раз взглянул на Подковкиных.

И ему показалось, что на земле среди зеленого льна лежит большая пестрая много-много-многоконечная звезда.

*Как в поля пришел охотник с большим
рыжиком псом и чем это кончилось.*

Перед прощанием Оранжевое Горлышко сказала Жаворонку:

— Когда люди сожнут рожь и повыдергают весь лен, ищите нас в ячмене. Когда начнут жать ячмень, мы перейдем в пшеницу. Когда примутся за пшеницу, — мы в овес, а из овса — в гречиху. Запомните это, и вы всегда легко найдете нас.

Но ржи в полях было много, и не так-то скоро ее убрали. Колхозницы вязали колосья в снопы, из снопов ставили бабки-сулоны. Скоро ржаные поля стали похожи на шахматные доски, на которых правильными рядами расставлены пешки.

Пока одни колхозники жали рожь, другие за льнотеребилкой вязали лен.

Прилетали в поля хищные птицы: луни, канюки, небольшие соколы — пустельги и кобчики. Они рассаживались отдыхать на бабки, высматривали птенцов, мышей, ящериц и кузнечиков.

Жаворонок все реже теперь поднимался в облака, все меньше пел. У всех Жаворонок — его родных — подрастали птенцы. Надо было помогать родным учить птенцов летать, разыскивать червячков, прятаться от хищников. Было уже не до песен.

Наконец колхозники сжали всю рожь и по-выдергали лен. Все ржаные и льняные поля стали как шахматные доски.

Частенько теперь Жаворонок слышал громкие выстрелы то за рекой, то за озером: там бродил охотник с большим рыжим псом, стрелял тетеревов и другую дичь. Так страшно гремело его ружье, что Жаворонок спешил улететь подальше.

И вот раз Жаворонок увидел, как охотник направился в поля. Он шел по сжатой ржи, а рыжий пес сновал перед ним справа налево, слева направо, пока не добежал до ячменного поля.

Тут он разом остановился как вкопанный — хвост пером, одна передняя лапа подогнута. Охотник направился к нему.

— Батюшки-светы! — ахнул Жаворонок. — Да ведь там, в ячмене, живут теперь Подковкины! Ведь рожь вся сжата и лен весь повыдерган!

И он помчался к ячменному полю.

Охотник подошел уже к рыжему псу. Пес как стал, так и стоял неподвижно, только чуть скосил один глаз на хозяина.

— Красивая стойка, — сказал охотник, снял с плеча дустволку и взвел оба курка. — Сигнал, вперед!

Рыжий пес вздрогнул, но не тронулся с места.

— Вперед, Сигнал! — повторил охотник строго.

Рыжий пес осторожно, на одних пальцах, пошел вперед — тихо-тихо.

Жаворонок был уже над охотником и остановился в воздухе, не в силах от страха крикнуть.

Рыжий Сигнал осторожно шел вперед. Охотник подвигался за ним.

Жаворонок думал: „Сейчас, сейчас выскочат Подковкины и...“

Но Сигнал все шел вперед, поворачивал то вправо, то влево, а куропатки не вылетали.

— Наверное, тетерев-косач в ячмене, — сказал охотник. — Старый петух. Они часто удирают от собаки пешком. Вперед, Сигнал!

Сигнал прошел еще несколько шагов и опять стал, вытянув хвост и поджав одну лапу.

Охотник поднял ружье и приказал:

— Ну, вперед!

„Вот сейчас, сейчас!“ думал Жаворонок, и сердчишко его замирало.

— Вперед, Сигнал! — крикнул охотник.

Рыжий пес подался вперед — и вдруг с треском и чириканьем брызнуло из ячменя все многочисленное семейство Подковкиных.

Охотник вскинул ружье к плечу и...

Жаворонок зажмурил глаза от страха.

Но выстрелов не было.

Жаворонок открыл глаза. Охотник уже вешал ружье на плечо.

— Куропатки! — сказал он громко. — Хорошо, что я удержался. До сих пор не могу забыть, как там, за озером, — помнишь, Сигналка? — я застрелил курочку. Наверное, весь выводок погиб: одному петушку не убережь поршков. Сигнал, назад!

Сигнал с удивлением глядел на хозяина. Пес

нашел дичь, сделал стойку, поднял дичь по приказу хозяина, а хозяин не стал стрелять и вот зовет его назад!

Но охотник уже повернул и пошел прочь от ячменного поля. И Сигнал побежал за ним.

Жаворонок видел, как Подковкины опустились на другом конце поля, и живо их там разыскал.

— Вот счастье! — закричал он Оранжевому Горлышку. — Я все видел и так боялся, так боялся!

— Что вы! — удивилась Оранжевое Горлышко. — А я почти совсем не боялась. Ведь охотничий закон разрешает стрелять нас, серых куропаток, только тогда, когда опустеют все хлебные поля и колхозники примутся рыть картошку. Этот охотник ходит сейчас только за тетеревами да за утками, а нас пока не трогает.

— Он сам говорил, — горячо заспорил Жаворонок, — что на-днях убил курочку за озером. Бедные поршки, они теперь все погибнут с одним петушком!

— Эх ты хватил! — перебил Подковкин. — Уж будто так сразу и погибнут! Вот, познакомься, пожалуйста: петушок Заозеркин.

Тут только Жаворонок заметил, что рядом с Оранжевым Горлышком и Подковкиным сидит еще один взрослый петушок.

Петушок кивнул ему головой и сказал:

— Мне бы и правда трудно было уберечь малых деток одному, после того как погибла моя

жена. Вот я привел их сюда и попросился к добрым соседям, к Подковкиным. Они меня приняли со всем моим семейством. Теперь мы втроем заботимся о детях. Видите, как много их у нас?

И он показал клювом на целое стадо поршков в ячмене.

Жаворонок сразу узнал среди них новых приемышей Оранжевого Горлышка: поршки Заозеркины были маленькие, гораздо меньше ростом, чем Подковкины и Бровкины.

— Отчего ваши детки, — спросил он удивленно, — такие... небольшие?

— Ах, — ответил Заозеркин, — у нас столько несчастий в этом году! В начале лета моя жена свила гнездо, положила яйца и уже несколько дней сидела, высиживала их. Вдруг пришли мальчишки и разорили наше гнездышко. Все яички погибли...

— Ай, какое горе! — вздохнул Жаворонок.

— Да. Пришлось жене новое гнездо делать, новые яйца класть и опять сидеть-высиживать. Поздненькие вышли детки. Вот и маленькие еще.

— Ничего, подрастут! — добрым голосом сказала Оранжевое Горлышко. — Всех поднимем.

И у Жаворонка опять защекотало в горлышке, как тогда, когда Оранжевое Горлышко приютила сирот Бровкиных.

Какую хитрость придумала Оранжевое Горлышко, когда опустели хлебные поля и колхозники принялись копать картошку

Рожь высохла в бабках-суслонах, и колхозники сложили ее в большие, как дома, кучи.

Бабки льна свезли на гумно, обмолотили там из них семя и снова отвезли в поля, разостлали их там в сырых ложках. Как золотистыми половичками покрылись лога. С каждым днем теперь быстро пустели поля. Подковкины то и дело переходили с места на место.

Сжали колхозники ячмень — Подковкины перешли в пшеницу. Сжали пшеницу — Подковкины перебежали в овес. Сжали овес — Подковкины перелетели в гречиху.

Охотник больше не приходил в поля, и Жаворонок перестал о нем думать.

Жаворонку теперь было еще больше дела. Приближалась осень; многие перелетные птицы готовились уже к путешествию в дальние края. Собирались в путь и все родственники Жаворонка. Они слетались в стаи на сжатых полях, вместе кормились, вместе перелетали с места на место: приучали своих детей к долгим перелетам, к высоким полетам.

Жаворонок жил теперь в стае.

Все чаще дули холодные ветры, все чаще поливало дождем.

Убрали колхозники и гречиху.

Подковкины переселились к речке, в картофельные поля. Жаворонок видел, как они бе-

гают там между длинными высокими грядками, как в узких уличках. Видел, как подросшая молодежь учится летать. По команде Подковкина все стадо сразу взлетало и мчалось вперед. Раздавалась новая команда — все стадо круто поворачивало в воздухе, летело назад, потом вдруг переставало махать крылышками и плавно спускалось в кусты или картошку.

Круто повернуть назад на всем лету — это считалось у куропаток самым трудным делом.

Как-то рано утром Жаворонок летел в своей стае над деревней.

Из крайней избы вышел охотник.

Жаворонок забеспокоился, отделился от стаи и спустился пониже.

Охотник громко говорил сам с собой:

— Ну, вот и пятнадцатое сентября. Сегодня — открытие охоты на серых куропаток. Выходит, надо итти в поля.

Рыжий Сигнал радовался, что идет на охоту. Он плясал перед хозяином на задних лапах, махал хвостом и громко лаял.

Жаворонку нельзя было терять из виду свою стаю. Грустный, полетел он догонять ее.

Он думал: „Когда теперь увижу Подковкиных, уж не будет у них такого стада. Половину перебьет охотник“.

Думы о друзьях не давали ему покоя.

Стая залетела высоко вверх и снова спустилась. Улетела далеко за лес, сделала большой круг и к вечеру вернулась в родные поля.

Наскоро проглотив несколько червячков, Жаворонок полетел к речке, в картофельное поле.

В картофельном поле горели костры и целыми семьями работали колхозники. В руках у них были белые, свежеструганные лопаточки, похожие на маленькие весла. Колхозники выкапывали ими из грядок картофель и складывали в мешки. Вымазанные углем ребятишки пекли картошины в золе костров и тут же ели их.

Подковкиных в картофельном поле не было.

С того берега речки к этому плыл в лодке охотник. Рядом с ним сидел Сигнал.

Охотник пристал, вытащил лодку на берег и сел отдыхать.

Жаворонок подлетел к нему и услышал, как охотник рассуждал сам с собой.

— Измучили!.. — говорил он. — Что я им, нялся сто раз с берега на берег ездить? Нет, шалишь! Гоняйся за ними, кому охота. А мы лучше другое стадо поищем, попроще которое. Правильно я говорю, Сигналушка?

Рыжий пес завилял хвостом.

Солнце уже садилось. Охотник устало побрел к деревне.

Жаворонок видел, что у него нет ни дичинки, и понял, что Подковкины как-то сумели перехитрить охотника.

„Где же они?“ подумал Жаворонок.

И словно в ответ ему с того берега послышался голос самого Подковкина:

— Червяк! Червяк! Червяк!

И с разных сторон ему отозвались тоненькие голоса:

— Чичире! Чичире! Чичире! Чичире!

Это откликались разлетевшиеся во все стороны молодые куропатки.

Через минуту Жаворонок был среди них, и Подковкин рассказывал ему, как Оранжевое Горлышко обманула охотника.

— Говорил я тебе, что умней Оранжевого Горлышка нигде курочки не сыщешь! Ведь что придумала! Выходит охотник из дому, а она уж знает.

— Как же она может это знать?—спросил Жаворонок.— Ведь из кустов не видно.

— А очень просто: когда охотник выходит на охоту, его рыжий пес лает?

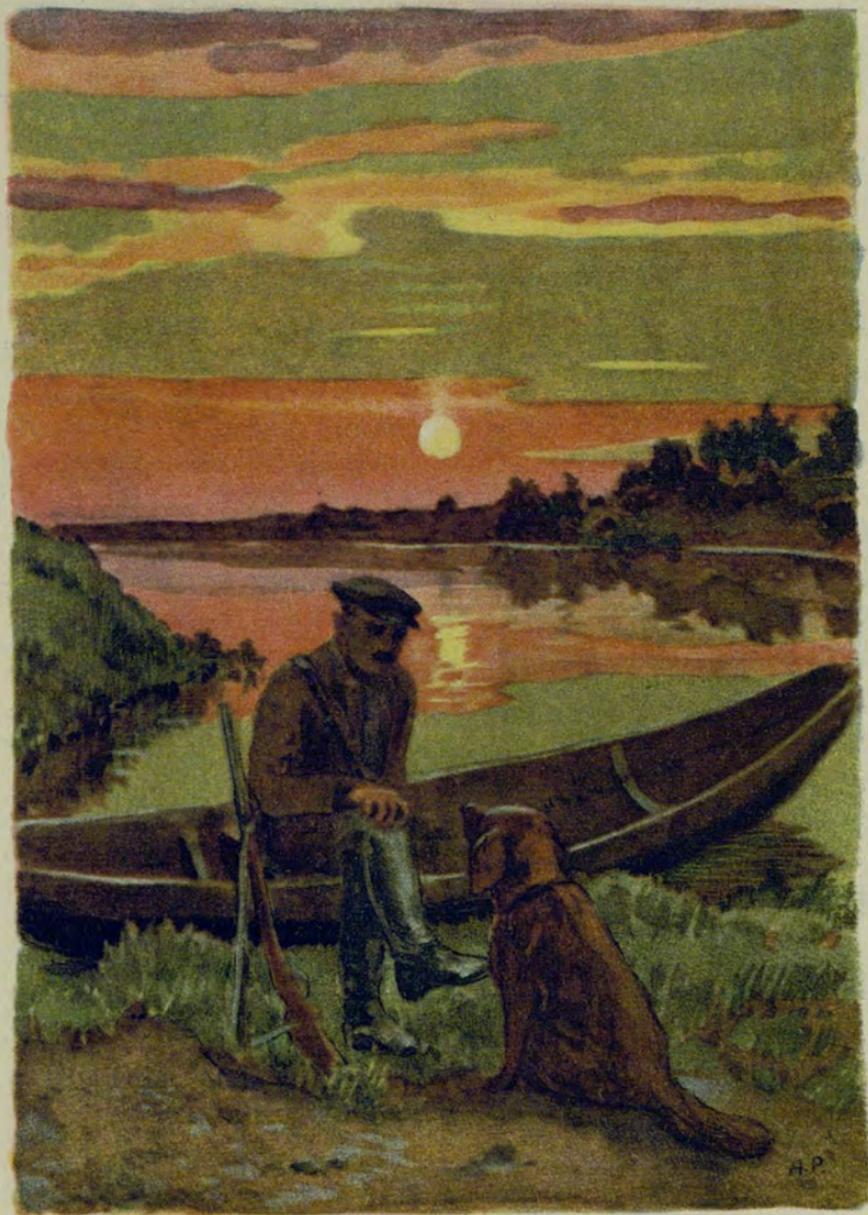
— Сигнал-то? Верно, лает!

— Да как еще громко! Вот Оранжевое Горлышко услышала и, ни слова не говоря, марш-марш за реку! Мы, конечно, все за ней.

— Через реку? Вот это ловко!

— Ищет, ищет нас рыжий пес на этой стороне: следы наши чует, а нас нет! Ну, охотник, тот хитрей,— скоро догадался, где мы спрятались. Достал лодку, переехал на тот берег. А мы опять на этот берег.

— Понимаю, понимаю!— обрадовался Жаворонок.— Он туда, а вы сюда; он сюда, а вы туда! Он ездил, ездил, да и говорит: „Измучили совсем! Лучше я за другими куропатками пойду, которые не такие хитрые“.

— Ну да, — сказал Подковкин. — Ему на лодке долго переезжать, а мы — порх! — и на том берегу!

Солнце уже зашло, а друзья еще долго не могли расстаться: всё радовались, как ловко Оранжевое Горлышко сумела провести охотника.

Как Жаворонок простился с друзьями и о чем он пел, покидая родину

Давно вспахали колхозники пустые поля и опять посеяли рожь и пшеницу.

Давно вымок в туманах и росах лен, растеленный в логах; из золотистого стал бурым. Колхозницы собрали его, поставили острыми кучками. И стало казаться, что в логах расположилось лагерь, ровными рядами разбило свои остроконечные шалашики бесчисленное войско невидимых человечков.

Высоко в небе, то собираясь углом, то растягиваясь вожжой, летели стаи диких гусей.

Поля опустели. Взрыхленные мокрые пашни чернели там, где летом шумела высокая рожь.

Но там, где не было ржи, уже взошли и весело блестели шелковые зеленя.

Все многочисленное семейство Подковкиных кормилось теперь сладкой травкой зеленёй. Ночевали Подковкины в кустах.

Ветродуи-листодеры срывали последние листья с кустов и деревьев.

Настала пора Жаворонку улетать в далекие

теплые страны. И он отыскал Подковкиных в зеленях, чтобы проститься с ними.

Целое стадо, целое Большое Стадо полевых петушков и курочек с веселым криком окружило его. В стаде было сто или, может быть, тысяча куропаток. Не сразу отыскал Жаворонок среди них Оранжевое Горлышко и Подковкина: все молодые куропаточки стали уже ростом с родителей, все были нарядно одеты. У всех на груди были подковки вкусного, шоколадного цвета. У всех щеки и горлышки стали оранжевые, бровки красные, грудки голубые, хвостики рыжие. И только приглядевшись, Жаворонок рассмотрел, что у молодых куропаточек ножки зеленоватые, а у взрослых — желтоватые.

— Что я тебе говорил! — закричал Подковкин, подбегая к Жаворонку. — Вот собирается Большое Стадо, и кто же в нем старшая курочка? Конечно, Оранжевое Горлышко!

Но Оранжевое Горлышко сейчас же перебила его. Она спросила:

— Вы улетаете от нас в далекие края? Ах, как там, верно, красиво, как тепло, хорошо!

Жаворонок грустно покачал головой:

— Не очень-то хорошо. Тепло там, это верно. Но никто из нас, певчих перелетных, не вздумает там петь, никто там не завьет гнездышка, не выведет птенчиков. И страшно там!

— Почему же страшно? — удивилась Оранжевое Горлышко.

— Там, в тех чужих краях, даже нас, жаворонков, считают дичью. Там охотятся за нами с собаками и ружьями. Там ловят нас сетями. Там жарят нас на сковородках, — много-много надо жаворонков на одну сковородку. Нас жарят на сковородках и едят.

— Ах, какой ужас! — в одно слово вскрикнули Оранжевое Горлышко и Подковкин. — Так оставайтесь тут зимовать.

— И рад бы, да ведь тут снег, холод. Все червячки и гусеницы попрячутся. Я вам удивляюсь: что вы едите тут зимой?

— А очень просто, — ответил Подковкин. — Видишь, сколько зеленёй посеяли для нас колхозники? На сто зим хватит нам еды.

— Да ведь зелень скоро покроет снег!

— А мы его лапками, лапками! За кустиками, в заветерках такие местечки есть — всю зиму там снегу чуть-чуть. Лапками поскребешь-поскребешь — смотришь: зеленая травка!

— А говорят, — спросил Жаворонок, — зимой бывает страшная гололедица и весь снег покрывается ледком?

— А тогда, — сказала Оранжевое Горлышко, — нам поможет охотник. Охотничий закон запрещает стрелять и ловить нас зимой. Охотник знает, что мы можем погибнуть в гололедицу. Он будет ставить на снегу шалашики из елочек, а в шалашики сыпать для нас зерно — ячмень да овес.

— Хорошо тут! — сказал Жаворонок. — Ах,

как хорошо у нас на родине! Скорей бы весна — и я опять вернусь сюда. Ну, до свиданья!

— До свиданья! — сказала Оранжевое Горлышко.

— До свиданья! — сказал Подковкин.

— До свиданья! — закричали все старые и молодые петушки и курочки на сто, на тысячу голосов сразу.

И Жаворонок полетел к своей стае.

Было еще утро, но тяжелая серая туча скрывала небо, и все казалось серым и скучным на земле.

Неожиданно из-за тучи выглянуло солнце. Сразу стало светло и весело, как весной.

И Жаворонок начал подниматься выше и выше и вдруг — сам не знал, как — запел!

Он пел про то, как хорошо в его родных полях. Пел про то, как люди сеяли хлеб, а в хлебах жили, выводили детей и прятались от врагов разные птицы и звери. Пел про то, как прилетела в поля злая ястребиха, убила сразу петушка и курочку, как остались после них сиротами крошки-поршки; как пришла другая курочка и не дала погибнуть чужим малым деткам. Пел про то, как будет зимой водить Большое Стадо мудрая полевая курочка Оранжевое Горлышко, а охотник будет ставить на снегу шалашики и сыпать в них зерно, чтобы было что поклевать куропаткам в люгый мороз. Пел про то, как он снова прилетит в родные поля и звонкой песней расскажет всем, что началась весна.

А внизу, на земле, останавливались удивленные люди.

Им было так странно и так приятно, что вот осень, а Жаворонок опять запел.

Люди запрокидывали голову и, прикрыв глаза от солнца, напрасно старались разглядеть в небе маленького певца: там, в высоте, вились и сверкали крошечные белые звездочки-снежинки. И, не долетев до земли, таяли.

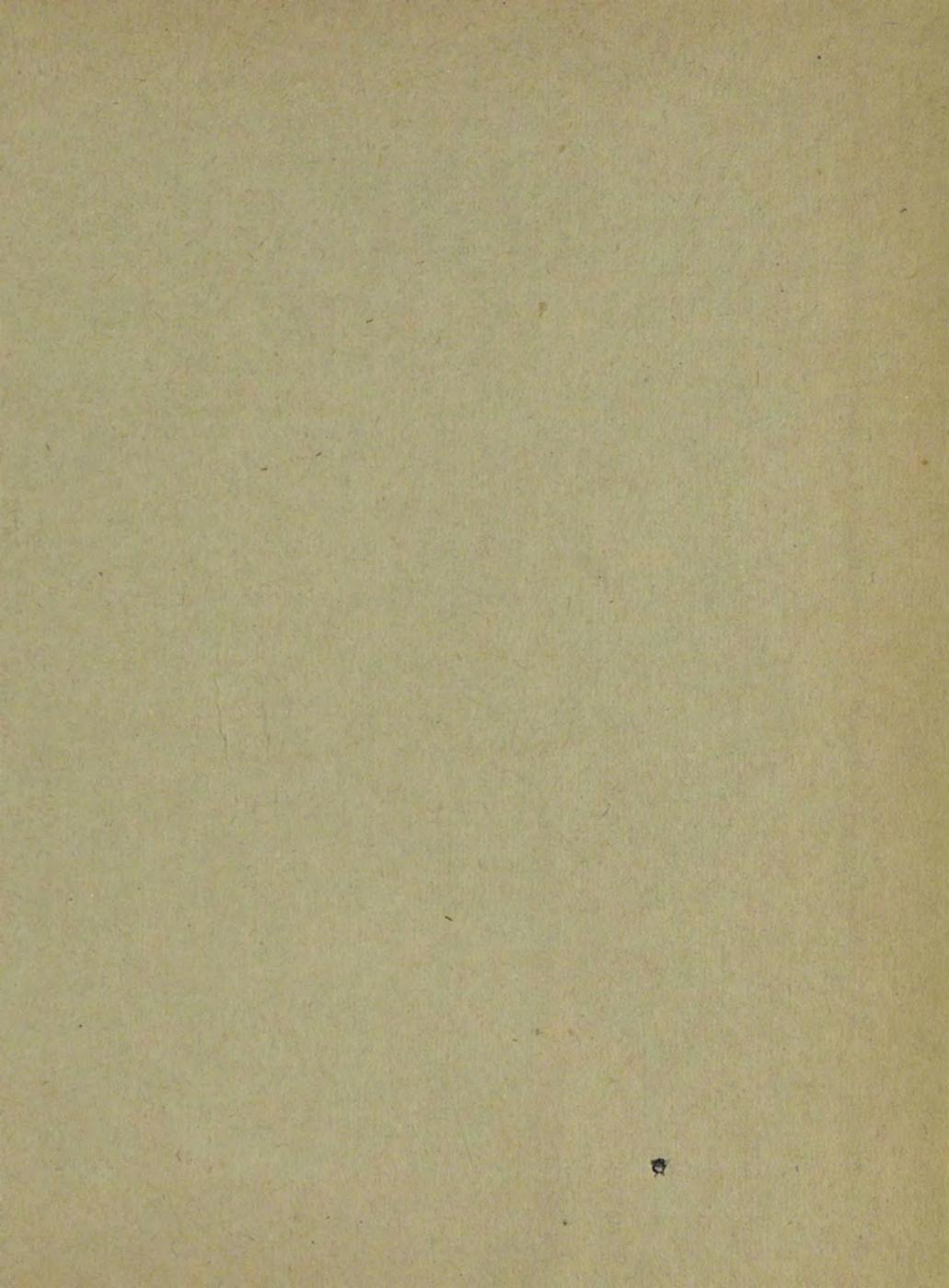
О Г Л А В Л Е Н И Е

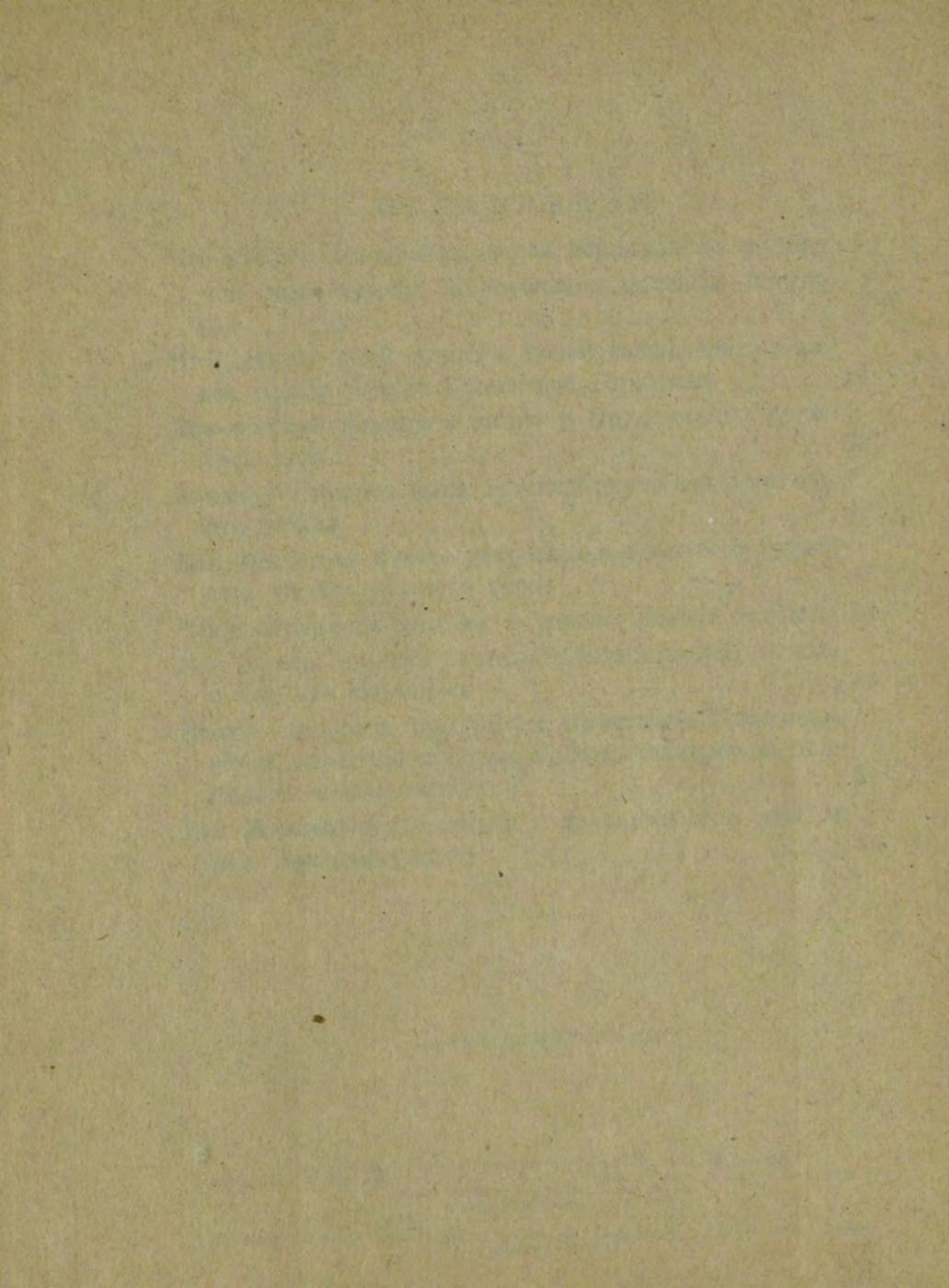
Что увидел Жаворонок, когда вернулся на родину	3
О чем разговаривал Жаворонок с полевым петушком	8
Что делали люди, когда с полей сошел снег, и какое гнездо завил Оранжевое Горлышко	14
Как пришла лисица и какие у Подковкиных родились дети	22
Какая у поршков была детская площадка и что они там делали	28
Как прилетела в поля ястребиха и какая беда стряслась на Костяничной горке	33
Чему обучались поршки в школе первой ступени	38
Как в поля пришел охотник с большим ружьем и чем это кончилось	46
Какую хитрость придумала Оранжевое Горлышко, когда опустели хлебные поля и колхозники принялись копать картошку	52
Как Жаворонок простился с друзьями и о чем он пел, покидая родину	58

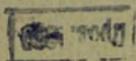
ДЛЯ МЛАДШЕГО ВОЗРАСТА

Ответственные редакторы Н. МАКСИМОВА и П. СУВОРОВ.
Подписано к печати 14/III 1941 г. 8 п. л. (4,38 уч.-изд. л.). 10884 зн. в печ. л.
Тираж 50 000 экз. А33348. Заказ № 636.
Цена в переплете 4 р. 50 к.

Фабрика детской книги Изд-ва детской литературы ЦК ВЛКСМ. Москва, Суздальский вал, 49.

~~30245~~

НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА
ДОМА ДЕТСКИХ КНИЖЕК
Д. ПЕТРОВСКАЯ

Цена 4 р. 50 к.

300=

